

≈ 38 мин

Оглавление [скрыть](#)

1. Советский социолог

2. Востоковед и преподаватель

3. Жизнь и смерть советской профессуры

В истории российской науки есть люди, чья жизнь и деятельность были преданы забвению дважды. В первый раз — когда за недостаточную преданность генеральной линии партии их физически устраняли, имена вычёркивали отовсюду, а труды убирали в спецхраны. Во второй — в годы так называемой перестройки, когда те же дела доставались из-под сукна, но не ради помилования, а ради нового суда. В этот раз их судили за недостаточно критическое отношение к КПСС, вождю и марксистской доктрине. Отличие было лишь в том, что теперь на покойного смотрели не столько как на угрозу, сколько как на балласт.

В эту несчастливую категорию попал и Филарет Евгеньевич Тележников.

Родился он 14 декабря 1897 года в г. Троицк Оренбургской губернии (ныне Челябинская область). Окончил реальное училище в г. Вольске, поступил в Московский университет, который не смог закончить, так как был призван на фронт. К 1917 он, разумеется, не успел получить учёную степень и потому не стал «дореволюционным историком», коих столь часто вспоминают в наши дни. Вместо этого в «послужном списке» Филарета Евгеньевича числится следующее: член РКП(б) с 1920 года, выпускник Института красной профессуры 1925 года, деятельный учёный-марксист, да ещё и не критиковавший власть. Такая биография нынче не в чести: критикуй Филарет Евгеньевич советский

строй хоть немного, его, умершего в Вятлаге в сорок третьем, теперь бы наверняка вспоминали, как вспоминают нынче всякого «узника совести» тех лет. А так он оказался не нужен и в позднесоветское время, когда умолчание было лучшим решением, чтобы найти баланс между пострадавшими и теми, кто за это время сделал на их страданиях карьеру¹.

Но достойны ли забвения труды этого учёного?

Обречён ли он быть историографическим артефактом для немногих?

СОВЕТСКИЙ СОЦИОЛОГ

Заводя разговор о социологии в двадцатые годы, начать стоит с того, что тогда были проблемы с самим определением социологии. Наука под названием «социология» в буржуазном научном мире тогда всё ещё претендовала на предмет почти всех существовавших общественных наук, на то, чтобы быть наукой об универсальных закономерностях развития «человеческого общества вообще». Сам К. Маркс, к слову, ещё в своё время от подобных проектов был совсем не в восторге². Впрочем, по вопросу о развитии представлений о предмете социологии можно написать отдельную работу.

Неудивительно, что отношения понятий «исторический материализм» и «социология» в раннесоветской литературе — тема довольно сложная, и единой позиции среди философов здесь не было. Начать хотя бы с того, что понимание предмета исторического материализма у марксистов школы А. Деборина существенно отличалось от такового, например, у Николая Бухарина³. Для «диалектиков» истмат был философией общественных наук, приложением

диамата к сфере общественной жизни, то есть наукой о том, как наиболее общие законы движения материи проявляют себя на социальном уровне её организации. Они называли истмат «общей теоретической социологией», но это была только дань сформировавшейся по стопам Плеханова и Ленина традиции:

«...признание исторического материализма социологией было нередко чисто вербальной операцией, которая не означала реального сближения»⁴.

У раннего Николая Бухарина (позже он приблизился к диалектико-материалистической точке зрения) исторический материализм — это про поиск закономерностей «общества вообще» на основе теории равновесия, путём чисто эмпирических методов и формально-логического абстрагирования. Для него это была социология в традиционном для современной ему западной науки позитивистском смысле.

Но сколь бы разными ни были эти позиции, для обоих понятие «истмат» — это и предмет, и метод. Для подавляющего числа «механистов» же истмат был лишь методом, а никакого собственного предмета у него не было и быть не могло: метод, по их мнению, проявляется лишь в конкретных работах, иное — уступка средневековому «реализму», — и, соответственно, само слово «социология» по отношению к истмату они отрицали категорически.

В чём же причина таких разногласий?

В разном понимании соотношения частных наук и философии, в разном понимании предмета философии и предмета различных обществоведческих дисциплин.

На фоне сказанного становится понятно, что «запрет на социологию»⁵ в СССР тридцатых годов был не волюнтаристским решением, а прежде всего результатом неприятия социологии в её позитивистском виде — то бишь общемировой тенденции, имевшей на фоне царившего разброда своих сторонников и в Союзе. Но мог ли марксизм предложить альтернативу?

В общем-то, мог.

В «классической» для советского обществоведения, то есть выполненной по лекалам деборинской школы, трактовке исторического материализма истмат, как мы уже сказали, был философией общественных наук, или «общей теоретической социологией». Последнее со временем отпадёт даже в качестве синонима, данный учебный предмет будут именовать «Исторический материализм» и никак иначе. При нём же, в свою очередь, наряду с частными науками вроде политэкономии и истории в 1920-х существовала «конкретная (или, как ещё говорили, „генетическая“) социология». Она должна была изучать причинные соотношения между конкретным экономическим базисом и всей совокупностью надстроек.

Эта конкретная социология не подменяла собой частных социальных наук, в отличие от позитивистского проекта. Так, поскольку существует относительная самостоятельность надстроечных явлений, каждая из частных наук должна

изучать ту внутреннюю закономерность развития, которая этой надстройке присуща: например, изучение внутренних законов изменения языка — задача филологических дисциплин. Но вот связь изменения языка и изменения общественных отношений, связь между языком и классовым положением — всё это уже становится предметом этой самой «конкретной социологии».

Вот ей в 1930-х как раз и пришёл конец: вместе с водой позитивизма выплеснули и диалектические наработки.

Так что когда мы говорим о вкладе в социологию, мы имеем в виду именно вклад в теорию исторического материализма и «прикладную» социологию, покуда она существовала. Понятийный аппарат многих дисциплин, трансформировавшихся под влиянием марксизма, тогда только-только формировался, потому экскурсы в такие сложности необходимы.

А теперь вернёмся к Филарету Евгеньевичу.

Какое-то время Ф. Е. Тележников был старшим научным сотрудником Института философии. Область его научных интересов включала в себя зарубежную, в частности французскую, социологию. Среди интересовавших Тележникова авторов упомянуты Тард и Леви-Брюль, и отдельные его материалы по ним, видимо, до сих пор остаются неопубликованными⁶.

Что касается философских взглядов тов. Тележникова, доступные нам публикации за его авторством позволяют утверждать, что он целиком разделял воззрения деборинской школы. Это ясно обозначено в его рецензиях на одну из работ И. Я. Вайнштейна против «богдановщины»⁷ и на учебник С. А. Оранского⁸. И это не говоря о том, что Филарет Евгеньевич подписал программную для «диалектиков» статью «О борьбе на два фронта в философии», в которой их школа пыталась защищаться от нападок погромщиков⁹.

При этом Тележников не был какой-то особенной величиной среди деборинцев. Его больше занимала критика западной позитивистской социологии и история стран востока, а философские вопросы интересовали преимущественно в контексте методологических проблем. Самая масштабная философская работа Филарета Евгеньевича посвящена категории причинности в диамате¹⁰, причём даже её решение основано на конкретном опыте исследования современных автору социологических концепций. Эта работа написана на очень тесном междисциплинарном стыке всего лишь через два года после выпуска автора из Института красной профессуры — а такое бывает редко даже сегодня. Но Тележникову не только социология помогала с философией, но и наоборот: опыт философских дискуссий давал ему навык более тонкого наблюдения за развитием методологии в социологической сфере. Вот, например:

«Современное состояние буржуазной социологии таково, что органическое направление и сходные с ним попытки игнорирования специфичности общественных явлений и сведения их к физико-химическим процессам мало привлекают внимание и осуждены быть памятниками заблуждения человеческих умов»¹¹.

Здесь заметен и явный укол в сторону советских специалистов, учеников Тимирязева и Степанова, с их учением о «сводимости» высших форм материи к низшим.

Опора на такую позицию существенно влияла на взгляды Ф. Е. Тележникова по ряду частных вопросов, что необходимо иметь в виду, оценивая его творческий путь и итоги работы. Но нельзя не отметить, что конец его карьеры мало зависел от выбранной им философской ориентации — ведь в конечном счёте разгромлены были и «механисты», и «диалектики», а в философии надолго установился диктат одного из эпигонов деборинской школы — Марка Митина.

Разрешение вопроса об отношении философии и частных наук, а в том числе об этом спорили сторонники А. Деборина с «механистами», — коренным образом влияло на восприятие исследователем отдельных методологических вопросов. Для «механистов» дело обстояло куда проще: определяющей является роль частных наук, а философии предстоит скорая гибель. Для последователей Деборина же диалектика была всеобщей методологией, а потому расхождения с частными науками ударяли по их позициям куда сильнее. Потому практически во всех работах Ф. Е. Тележникова заметно повышенное внимание именно к философско-познавательным, общеметодологическим вопросам тех или иных концепций.

Уже в первой своей статье, посвящённой школе Э. Дюркгейма, большую часть Филарет Евгеньевич посвящает именно теоретико-познавательным основам его концепции¹². Интерес к этой социологической школе останется у Ф.

Тележникова на всю жизнь. Автор считал её наиболее близкой к марксизму по ряду частных вопросов, хотя и стоящей на иной точке зрения в целом:

«Марксизм, иначе понимая общество, также требует, чтобы то или иное явление социальной жизни объяснялось как явление, обусловленное не индивидуальным, но общественным развитием. Социальная точка зрения резко отличает марксизм от буржуазной методологии и роднит с точкой зрения Дюркгейма. Марксизм также считает чрезвычайно важным установление понятия социального вида или, выражаясь иначе, понятия общественно-экономической формации. Но на этом сходство его с социологической школой кончается. Для Дюркгейма есть общество данного социального вида, но общество абстрактное, не расчленённое на классы, общество, как коллективное сознание. Для марксистской школы общество — определённым образом производящее общество, общество, в определённые периоды человеческой истории расчленённое на классы. Исследователь тех или иных социальных явлений обязан подойти к ним не только с социальной точки зрения. Он обязан в целях полной научности установить их причинную зависимость от общественного базиса и их классовое содержание»¹³.

В отличие от подчёркнуто уважительного отношения к школе Дюркгейма, к эклектичной концепции Вормса у Тележникова всегда было более прохладное отношение. Эмиль Дюркгейм всё же тяготел к философскому монизму, что

сближало его с такой же монистической доктриной — марксизмом, а Вормс был убеждённым позитивистом, для которого «многофакторность» развития была не ошибкой, а самоцелью. Рельефнее, чем любыми текстологическими изысканиями, данный тезис можно обосновать тем, что в 1937 году Ф. Тележников нашёл в себе силы, чтобы продолжать дорабатывать материалы, связанные с деятельностью школы Дюркгейма, в то время как лекция о Вормсе в тот же период представляла собой банальный пересказ статьи десятилетней давности.

Чуть более позднюю статью о предмете и методе в социологии Дюркгейма, написанную в 1928 году, отличает не только более полный и всесторонний разбор его учения с точки зрения марксизма, но и попытка оттолкнуться от него, поставить перед советской наукой новые проблемы на основе рецепции зарубежных школ:

«Марксистское понимание социального факта позволит обосновать то, что в теории Дюркгейма оставалось хотя и правильным, но бездоказательным, именно объективность и принудительность социальных явлений.

Марксистское понимание социального явления и общества даёт возможность установить ясную границу между естественным, психическим и социальным, ту границу, которую пытался установить Дюркгейм, но которую довести ему не удалось. На такой позиции Дюркгейм остановился вполне сознательно. Его не удовлетворяли „крайность“ ни психологизма, ни исторического материализма. Истина, с его точки зрения, лежит посередине, в учении социологической школы. Она, как мы уже видели в отношении важнейшего вопроса — понимания сущности социального

факта, носит на себе печать компромисса, незаконченности»¹⁴ .

Помимо сложных методологических работ, Ф. Е. Тележников готовил и более краткие и простые по наполнению обзоры западных социологических журналов. Таковы, например, его обзоры французского «Социологического ежегодника»¹⁵ , а также совмещённый обзор «Позитивистского интернационального обозрения» и «Интернационального обозрения социологии»¹⁶ .

Филарет Тележников не только был хорошо знаком с новейшими западными работами в области социологии, но и стремился поделиться ими с массовым советским читателем, держать его в курсе новинок западной академической мысли. Тележников вообще никогда не был сторонником тотального отрицания и полного игнорирования достижений буржуазной науки: так, уже в самой ранней его статье о Дюркгейме актуальность исследования сформулирована с упором на преодоление изоляционизма советской науки. Он пишет: борьба за социалистическую революцию на Западе — это не только критика оружием, но и оружие критики; если местные коммунисты не способны дать бой враждебным обществоведческим концепциям, то взяться за борьбу должны советские специалисты, как обладающие лучшими возможностями. Более того, пишет Тележников, это нужно и самим советским людям: в СССР продолжают использоваться многие переводные западные учебные пособия, и без преодоления негативных идеологических моментов в них сформировать новое мировоззрение будет трудно¹⁷ .

Эта тема в работах учёного поднимается не единожды. При этом, судя по всему, автор здесь шёл наперекор общим настроениям. Вот, например, итог одного из

вышеупомянутых обзоров:

«Во-первых, мы получаем представление об идеологической мощности наших классовых противников. В данном случае мы должны констатировать немощь их теоретической мысли. И только слабое внимание к ней, — недостаточная воля к борьбе с ней, — объясняют то влияние, которое она оказывает на широкие круги общества. Далее, не будучи в состоянии что-либо почерпнуть для положительной разработки проблем, мы можем и должны использовать буржуазную мысль иногда для постановки вопросов. К примеру, статьи Дюпра о принуждении. Нужно прямо сознаться, что мы пока ещё вращаемся в кругу одних и тех же вопросов и мало ставим новые, которые бы расширяли и обогащали марксистскую социологию»¹⁸ .

Или возьмём начало одной из статей о социологической школе Вормса:

«Характерно, что Большая советская энциклопедия ни словом не обмолвилась о Вормсе и его социологии. Это обстоятельство является, с одной стороны, результатом недостаточной нашей ориентированности в умственных течениях Западной Европы, а с другой — следствием того своеобразного «нигилизма», который подчас проявляется у нас в отношении буржуазной общественной науки и который решительно осуждён второй конференцией марксистско-ленинских учреждений»¹⁹ .

При написании критики Вормса автор также не ограничивается выставлением nihil над его трудами из-за отрицания марксизма, но сам стремится ответить на наиболее важные вопросы, например, о соотношении статики и динамики в

марксистской социологии:

«В марксистской литературе и вообще среди марксистов является преобладающим убеждение, что самое понятие статики чуждо марксовой теории общества. Нам представляется, что это не так. Необходимо различать статику в контовском смысле и статику в диалектическом освещении. Совершенно верно, что абсолютно лишь движение материи. Но в каждый данный момент каждая вещь может быть наблюдаема и в статическом положении. Ведь диалектическая логика не упраздняет формальной логики, но преодолевает её. Подобно тому, как последняя является моментом первой, так и покой есть частный случай движения. Разве, к примеру, мы не вправе рассматривать взаимоотношение производительных сил и производственных отношений в аспекте данного момента. Исследователь-марксист в своей научной практике встречается с необходимостью подобного рассмотрения довольно часто. Но всё различие между ним и ограниченным буржуазным мышлением заключается в том, что марксист не может остановиться на рассмотрении явления в его статике. Он считает себя более обеспеченным от всяких ошибок только тогда, когда рассматривает социальный факт в развитии. Не может быть противопоставления статики динамике. Первая представляет момент постоянно изменяющейся социальной действительности. Вормс не понял взаимоотношения этих двух способов рассмотрения. Он, так же, как Конт, остановился на точке зрения их принципиального противопоставления. Подобная метафизичность привела его к признанию двух видов социальных законов, разъединённых друг от друга»²⁰ .

По признанию самого учёного, его труды должны были увенчаться написанием «Очерков критики истории буржуазной социологии». Даже в своих лагерных письмах он не оставлял надежду вернуться к этой работе²¹. К сожалению, этот труд так и не был написан.

ВОСТОКОВЕД И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

При всём внимании к философской стороне общественных наук «голое методологизирование» для этого автора было совершенно нехарактерно. Тележников был в социологии не только теоретиком, но и практиком.

Как участник 2-й Монгольской экспедиции Филарет Евгеньевич имел уникальную возможность реализовать свои теоретические наработки «в поле». Результатом стали доклад, прочитанный в стенах НИИ КУТВ им. Сталина, упоминаемый в годовом отчёте²², и два обширных материала, опубликованных в журнале «Революционный восток». Один из них был посвящён развитию местного самоуправления и советской системы в Монголии²³, другой — развитию местной партийной системы, точнее, одной партии — МНРП²⁴.

Обширнейшие социологические и статистические исследования, проведённые «в поле», сами по себе заслуживают отдельного материала, ведь их «объект изучения» и не снился западным социологам — кочевое, феодальное монгольское общество, резко перешедшее на путь социалистического развития. Чего только стоит любопытное явление превращения феодальной уртонно-почтовой повинности, появившейся у монголов ещё в эпоху Чингисхана, в... форму прогрессивного подоходного налога, призванного побороть неравенство²⁵.

В связи с кочевым характером монгольского общества проблемы связи стояли очень остро, ведь государственное управление невозможно без оперативности. Это и предопределило существование в стране сети уртонно-почтовых станций, которые было件язано содержать местное население. В дореволюционное время это была тяжкая повинность, перегибы в которой нередко служили поводом к восстаниям:

«Уртонная, или почтово-курьерская, повинность... Тягчайшая из повинностей. Араты, выделенные для отбывания конно-уртонной повинности, со всем своим имуществом откочёвывали на место службы и несли её полгода, а то и год. Она была главным средством связи в стране. Для того чтобы по конному уртону доставить какую-нибудь корреспонденцию или сопровождать чиновников, арату-курьеру приходилось покрывать на своих лошадях сотни километров. Кроме того, араты обязаны были обеспечивать проезжающим пропитание за свой счёт. Почтовые станции отвлекали от сельского хозяйства большое количество рабочего скота, а также людей»²⁶.

До революции все аратские хозяйства, уплачивавшие государственный скотоводческий налог, привлекались к уртонной повинности. В социалистической же Монголии выполнение уртонно-почтовой функции стало аналогом прогрессивного налогообложения. На эту работу ставили преимущественно многолошадных, зажиточных. В тексте это прямо не упомянуто, но, скорее всего, так как во время перечисления адресатов речь идёт не только о государстве, но и о местных органах самоуправления, эта почта впервые стала выполнять какие-то поручения, кроме дел центрального

правительства.

Тележникова очень живо интересуют подобные трансформационные процессы, их обусловленность, условия протекания и направленность. Ведь по тем же материалам можно заметить, что хозяйства отдельных кочевий продолжают оставаться натуральными. Доходов у местных «муниципалитетов» нет от слова совсем — только дотации от центрального правительства, которые уходили на поддержание самой администрации, да теперь, после революции, ещё на социальную поддержку и культуру. Автору, как не специалисту, неизвестно, как обстояли дела с денежным обращением и видело ли рядовое население деньги вообще, но в любом случае подобная реализация прогрессивного налогообложения — довольно изящная вещь в ожидании электрификации и моторизации.

Специалисты вроде Тележникова тогда столкнулись с тем, что до тех пор не было описано ни марксистами, ни кем-либо ещё, им предстояло применить свой метод с нуля к тем явлениям, о возможности которых никто ранее не подозревал. И сегодня, когда марксистам снова нужно изучать такой процесс — реставрацию капитализма в бывшем соцлагере, «институциональные реформы» 1990-х, — нам стоит изучать эти работы. Нам нужно понять, как наши предшественники вели исследование в таких условиях и приходили к своим выводам. И речь не только о востоковедении: такое в то время было во всех научных сферах и направлениях.

С 1925 по 1936 год Ф. Е. Тележников работал в Коммунистическом университете трудящихся Востока, где был профессором по кафедре исторического

материализма. Он принимал участие в работе Научно-исследовательской ассоциации Национальных и колониальных проблем²⁷, добился организации сначала монгольской секции при кафедре Дальнего Востока, а затем — и учреждения отдельного «Общества по Центральной Азии»²⁸. При этом деятельность последнего, как и экспедиции, им проводимые, носили вполне осязаемый характер: общество занималось прикладными исследованиями и вынесением соответствующих рекомендаций для правительств СССР, Тувы и Монголии в далеко не самом безопасном на тот момент регионе мира.

Параллельно, в 1935–1936 гг., Ф. Е. Тележников читал курс лекций по истории Монголии в Институте Востоковедения им. Нариманова при ЦИК СССР. С 1936 по 1938 год он работал в Московском государственном историко-архивном институте в должности профессора философии. Короче говоря, весь указанный период Филарет Евгеньевич посвятил активной научной и преподавательской работе.

Однако с начала 1930-х его карьера постепенно идёт на спад. В 1930 году государство принудительно сворачивает дискуссии в сфере философии. Ведущие школы — что «механисты», что «деборинцы» — оказываются уничтожены, причём некоторые их представители — даже физически, попав в репрессивные тиски.

В этих условиях содержание лекций Ф. Е. Тележникова резко меняется. В них появляются дежурные упоминания Сталина и общеобязательные уколы в сторону «меньшевиствующих идеалистов», как теперь окрестили последователей А. Деборина. Но вместе с тем Тележников не выступает в печати с погромными заявлениями и не клеймит «врагов народа». Его имя

вообще пропадает со страниц всех крупных советских журналов, где он прежде печатался.

Нужно сказать, что в условиях сталинской эпохи это был не самый плохой вариант академической карьеры. Сравнить хотя бы с довольно известным советским философом Валентином Фердинандовичем Асмусом, который **избрал совсем иной путь**. В 1920-е он, как и Тележников, примыкал к «деборинцам» в большой философской дискуссии, хотя его приверженность марксизму вызывает сомнения, а политическая биография была далеко не безупречна. С наступлением «большого террора» ради сохранения карьеры, общественного признания и безопасности Валентин Фердинандович не только оставил эту школу, но и стал участвовать в «погромных» кампаниях, в том числе против неё. Впрочем, нужно отдать ему должное: «громил» В. Ф. Асмус, за редкими исключениями, мёртвых, что позволяло быть в ритме политической жизни и вместе с тем не испортить репутацию окончательно. Впрочем, методы эпохи позволяли «убить» даже мертвеца, вычеркнув его из всех возможных источников. Кроме того, у мёртвых были вполне живые родственники.

Опубликованные ныне материалы позволяют сделать предварительный вывод о том, что Ф. Е. Тележников себе подобного не позволял и предпочёл отказаться от любого карьерного роста. Он ограничился самым минимумом — остаться на свободе, чтобы закончить свою работу по зарубежной социологии, пусть даже и без возможности опубликования.

В отсутствие доступа к архивам проследить это можно по лекциям, которые он читал в 1930-х гг. Некогда ссылавшийся на А. Деборина в своих работах как на

авторитет, учёный теперь практически в каждой лекции упоминает «меньшевиствующий идеализм» и аккуратно пересказывает абзацы из критических постановлений²⁹, однако делает это без рвения и довольно формально. Цитаты И. В. Сталина и упоминания «меньшевиствующего идеализма» становятся обыденной частью лекций, только потому что их не могло там не быть.

Наиболее наглядно эту социальную мимикрию демонстрируют не лекции по истории философии и марксизму, а лекции по социологии, которые Ф. Е. Тележников читал в Историко-архивном институте, формально будучи профессором философии. Материал к лекциям по Дюркгейму, например, датирован 1937 годом. Само наличие этих лекций, кстати, заставляет задуматься о том, насколько сталинская эпоха влияла на академическую жизнь. Интересно было бы узнать, как такое вообще было возможно в те годы: вообще-то это всё «нельзя», но человек три года на эту тему лекции читает, официально получая зарплату как преподаватель философии.

Чтобы понять, как действовал Тележников в сложившейся обстановке, давайте рассмотрим лекцию о Дюркгейме подробнее.

Её ядро составляет уже упомянутая статья от 1928 года. В рамках самоцензуры Филарет Тележников изъясил из лекции лишь одну мысль, которую когда-то охотно развивал: о предмете социологии и взаимосвязи этого вопроса с недавними, по меркам оригинальной статьи, дискуссиями о предмете философии³⁰. Нет оснований думать, что он отказался от тех мыслей: скорее всего, после разгрома обеих философских школ высказываться так стало

попросту опасно³¹. Но, что неожиданно, в лекции о Вормсе сохранился фрагмент о том, что отрыва советской науки от западных достижений допускать нельзя³².

Лекция была расширена за счёт того, что теперь в ней были даны описания конкретных социологических построений в дополнение к основному методу. Кроме того, стал ещё детальнее разбор социально-экономических предпосылок возникновения этого социологического учения. Это была ещё одна отличительная черта Ф. Е. Тележникова — он всегда стремился вписать идеи в социально-экономический и интеллектуальный контекст времени, наглядно продемонстрировать, как они прорастают из объективных условий действительности.

Также к материалу 1928 года добавлено — точнее, притянуто за уши — обязательное упоминание Сталина, а именно — его выступление на конференции аграрников-марксистов³³. Но, в отличие от лекций Тележникова по иным дисциплинам, тут нет никаких упоминаний о «меньшевиствующих идеалистах» — та дискуссия шла вокруг общефилософских вопросов, а в материалах на другие темы показательное развенчание их позиции не было обязательным.

Неизвестно, что стало непосредственным поводом для ареста и осуждения

красного профессора, но мы вполне можем догадываться о причине. Вышеупомянутых уступок было мало, чтобы заслужить признание при новом курсе. Нейтралитетом более не довольствовались — теперь доказательство верности должно было быть «деятельным».

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ СОВЕТСКОЙ ПРОФЕССУРЫ

В открытых источниках можно найти всего два «изобличительных» выступления Ф. Е. Тележникова — от 1929 и 1930 годов. В них затрагивалась деятельность ВНАВ (Всесоюзная научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР), велась её критика за отсутствие прикладных исследований и недостаточный методологический уровень работ. При этом в 1929 году не было упомянуто ни одной персоналии, а в 1930 вскользь упомянут Александр Николаевич Гладстерн³⁴. В обоих выступлениях Тележников призывал в связи с назревшими проблемами только к реорганизации ВНАВ и её слиянии с НИА НКП, никакого поиска «врагов» там не было. Да, А. Н. Гладстерн впоследствии стал жертвой террора, но это было только через 7 лет, и неизвестно, сыграли ли в этом какую-то роль речи Филарета Евгеньевича. Нет оснований думать, что эти выступления были вообще связаны с политическим моментом: в том же 1930 году Ф. Е. Тележников вместе с остальными «деборинцами» подписался под статьёй «О борьбе на два фронта в философии», направленной против погромщиков философской науки, — не слишком разумный шаг для человека, который хотел бы удержаться на плаву любой ценой.

Академическая карьера в сталинскую эпоху требовала особого умения балансировать между своими убеждениями, требованиями власти и неформальными правилами учёного сообщества, но, согласно исследованию С.

Н. Корсакова, даже тогда тогда были возможны разные модели социальной адаптации. У Тележникова и у Асмуса, как мы видим, они отличались.

Отдельно заметим, что сравнения, допущенные в ходе статьи, не имели своей целью «очернить» память В. Ф. Асмуса, тем более, ещё есть вероятность, что в оборот введут новые источники по этому вопросу. Мы лишь хотели проиллюстрировать то, что в биографии Ф. Е. Тележникова нет чего-то аморального, такого, за что его стоило бы предать забвению. Нельзя не считаться с тем, что это бескомпромиссное время было соткано из компромиссов конкретных людей, и некоторых действий избежать было попросту нельзя — но за эти рамки Филарет Евгеньевич не выходил.

Но на деле это забвение даже не пытаются оправдывать: забыли и забыли. Филарет Тележников похоронен где-то в окрестностях ИТЛ, труды его развеяны по архивам учреждений, где он когда-то работал. Даже спустя без малого двадцать лет работы **«Словарь востоковедов — жертв политического террора»**, составленный «Мемориалом», до Ф. Е. Тележникова так и не добрался. Документов в Институте философии не заметили, в Московском историко-архивном — не увидели, искать в делах НИА НКП — не подумали, в фонды Коммунистического университета трудящихся Востока — не заглядывали... Нет такого человека и не было никогда. Асмус же, человек примерно того же пошиба — талантливый и известный в научных кругах своего времени специалист, но не «звезда», — сегодня признан, его помнят и даже вешают ему памятные доски. Ему, человеку, по выражению категоричного Корсакова, *«скармливавшему своих коллег Левиафану»*. В чём же разница?

Конечно, мы можем предположить, что дело в различной значимости работ этих двух учёных. Статейных публикаций у Тележникова довольно много, обширно его преподавательское и организационное наследие, но ни одной законченной книги он не оставил. Однако и Асмус, доверимся оценке Корсакова, фигура в своей сфере не исключительная. Да и вообще, в современной России деятелей часто оценивают вовсе не по делам их, не по «значимости»: кто бы стал всерьёз воспринимать русскую религиозную философию, если бы не угар «религиозного ренессанса» 1990-х годов? Мы можем согласиться со следующим мнением С. Н. Корсакова:

«Все высланные из России философы, составлявшие будто бы вершину русской философской мысли, находясь в изгнании, в течение десятилетий публиковали работы и на русском, и на других европейских языках и ни в отдельности, ни вместе взятые никакого влияния на мировую философскую мысль не оказали»³⁵.

По всей видимости, различие всё же в чём-то другом. Например, в том, что Валентину Александровичу Асмусу просто повезло не самыми честными путями выжить и оставить учеников, готовых развернуть кампанию по его увековечиванию. Или же всё дело в его «идейной фронде» и тяге к идеализму, в его большей близости по духу к современной власти, чем у «яростного большевика» Тележникова?

Эти версии кажутся куда более осязаемыми. И они возвращают нас к проблеме, поднятой в начале текста.

В 1992 году историк П. А. Голуб, выступавший против реабилитации

белогвардейщины, назвал свою статью «С кого они портреты пишут?» Прошло почти три десятилетия, и советский период стали воспринимать «более взвешенно». Но при детальном рассмотрении несложно заметить, что «интеграция» советского этапа в общую историческую память остаётся крайне избирательной. Оставшиеся за бортом обречены на повторную смерть, потому что вновь не вписались в политическую конъюнктуру. Те же, кого всё-таки взяли на борт из «героической эпохи» советской власти, делятся на два типа: одних старательно «очищают» от всего революционного, «слишком большевистского», оставляя только самую удобную сторону, а других и «очищать» не требуется — само отлетает.

И ни на тех, ни на других по-прежнему не взглянешь без придыхания: с кого они портреты пишут?..

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. Тележников Ф. Е. Лекции по социологии и философии: 1936–1938. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 6–7. ↩

2. Шацкий Е. История социологической мысли. Том 1 / Ежи Шацкий; пер. с польского; общая редакция А. Васильева. М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 278. ↩
3. *«Хотя сам Бухарин был коммунистом и выдающимся большевистским вождём, он парадоксальным образом представлял в теории „позитивистский марксизм“ в чистейшем виде».*
См.: Шацкий Е. История социологической мысли. Том 2 / Ежи Шацкий; пер. с польского; общая редакция А. Васильева. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 36. ↩
4. Шацкий Е. История социологической мысли. Том 1 / Ежи Шацкий; пер. с польского; общая редакция А. Васильева. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 11. ↩
5. В общих чертах об этом можно прочесть, например, [здесь](#). ↩
6. Корсаков С. Н. Политические репрессии в Институте философии (1930–1940-е годы) // *Философский журнал*. 2012. № 1 (8). С. 147. ↩
7. Тележников Ф. И. Вайнштейн, Организационная теория и диалектический материализм // *Вестник Коммунистической Академии*. 1927. № 24. С. 288–294. ↩
8. Тележников Ф. С. А. Оранский, Основные вопросы марксистской социологии // *Вестник Коммунистической Академии*. 1929. № 32. С. 258–261. ↩
9. Деборин А., Луппол И., Стэн Я., Карев Н., Подволоцкий И., Гессен Б., Левин М., Агол И., Левит С., Тележников Ф. О борьбе на два фронта в философии // *Под знаменем марксизма*. 1930. № 5. С. 139–149. ↩
10. Тележников Ф. Проблема причинности с точки зрения диалектического материализма // *Вестник Коммунистической Академии*. 1927. № 24. С. 20–74. ↩
11. Тележников Ф. Дюркгейм о предмете и методе социологии [Текст] / Ф. Тележников // *Вестник Коммунистической Академии*. 1928. № 30. С. 169. ↩

12. Тележников Ф. Об одном буржуазном социологическом направлении во Франции (О Дюркгейме) // *Под знаменем марксизма*. 1926. № 5-6. С. 118-128. ↩
13. Тележников Ф. Дюркгейм о предмете и методе социологии // *Вестник Коммунистической Академии*. 1928. № 30. С. 174-175. ↩
14. Тележников Ф. Дюркгейм о предмете и методе социологии // *Вестник Коммунистической Академии*. 1928. № 30. С. 173. ↩
15. Тележников Ф. «Социологический ежегодник» // *Под знаменем марксизма*. 1928. № 2. С. 181-184. ↩
16. Тележников Ф. По иностранным социологическим журналам [Текст] / Ф. Тележников // *Вестник Коммунистической Академии*. — 1928. — № 30. — С. 219-226. ↩
17. Тележников Ф. Об одном буржуазном социологическом направлении во Франции (О Дюркгейме) // *Под знаменем марксизма*. 1926. № 5-6. С. 112-113 ↩
18. Тележников Ф. По иностранным социологическим журналам // *Вестник Коммунистической Академии*. 1928. № 30. С. 226. ↩
19. Тележников Ф. Социология Вормса (Теория общества Р. Вормса в свете современной социологии) // *Вестник Коммунистической Академии*. 1929. № 35-36. С. 38 ↩
20. Тележников, Ф. Социология Вормса (Теория общества Р. Вормса в свете современной социологии) // *Вестник Коммунистической Академии*. 1929. № 35-36. С. 54 ↩
21. Тележников Ф. Е. Лекции по социологии и философии: 1936-1938. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 6-7. ↩
22. Тележников Ф. Е. О работе и очередных задачах Научно-исследовательской Ассоциации при КУТВ им. Сталина // *Революционный восток*. 1929. № 7. С. 360-365. ↩

23. Тележников Ф. Е. Местные органы власти Цецерлик аймака // *Революционный восток*. 1928. № 4-5. С. 358-402. ↩
24. Балджерон, Тележников Ф. Е. Местные партийные организации Цецерлик аймака // *Революционный восток*. 1929. № 6. С. 156-181. ↩
25. Тележников Ф. Е. Местные органы власти Цецерлик аймака // *Революционный восток*. 1928. № 4-5. С. 395. ↩
26. Колесников М. С. *Сухэ-Батор*. ↩
27. Тележников Ф. Е. О работе Научно-исследовательской Ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем (НИА НКП) за первое полугодие 1929/30 г. // *Революционный восток*. 1930. №8. С. 339-343. ↩
28. Тележников Ф. Е. Общество по Центральной Азии // *Революционный восток*. 1931. № 11-12. С. 360-361. ↩
29. См. подробнее: Тележников, Ф. Е. Лекции по основам марксизма. [Текст] / Ф. Е. Тележников — М.: ЛЕНАНД, 2014. — 320 с. ↩
30. Тележников Ф. Дюркгейм о предмете и методе социологии // *Вестник Коммунистической Академии*. 1928. № 30. С. 185-186 ↩
31. Тележников Ф. Е. Лекции по социологии и философии: 1936-1938. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 389. ↩
32. Тележников Ф. Е. Лекции по социологии и философии: 1936-1938. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 398. ↩
33. Тележников Ф. Е. Лекции по социологии и философии: 1936-1938. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 348. ↩
34. Тележников Ф. Е. О работе Научно-исследовательской Ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем (НИА НКП) за первое полугодие 1929/30 г. // *Революционный восток*. 1930. № 8. С. 340. ↩
35. Корсаков С. Н. Мифы и истины в истории русской философии // *Вопросы*

Забывать без срока давности. Жизнь и деятельность Ф. Е.
Тележникова

философии. 2015. № 5. С. 69–85. ↩